

19 ИЮЛЯ

1929 г.

ПЯТНИЦА

№ 163 (1675)

Цена № 5 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕРНУША ДО СВОБОДЫ

ПЕРЕД СУДОМ АКАДЕМИКА

Академия Наук в свое время удостоила сборник рассказов Чехова «В сумерках» Пушкинской премии в половинном (500 руб.) размере.

Рецензентом был академик Бычков.

Получив поручение дать отзыв об упомянутом сборнике двойник «Человека в футляре», — академик Бычков глубокомысленно протер очки, деловито напятил их на кончик носа и, в поте лица, разрешился оценкой, которая несомненно войдет в историю нашей литературы, но на ее изнанке.

Стиль Бычкова отдает блаженной памяти Тредьяковским: не язык, а ухабы — сродни буквальному переводу с греческого или латинского.

Бычков добросовестно начинает издалека:

«Несколько лет тому назад начали появляться в разных ежедневных газетах небольшие рассказы Чехова, предметом для которых служили явления обыденной жизни. Эти рассказы, несмотря на то, что наскоро читались и быстро были позабываемы, тем не менее обнаруживали в авторе и наблюдательность и умение живо и естественно передавать подмеченное, почти исключительно, впрочем, с целью вызывать улыбку в читателе».

Можно пересказывать все: не возбраняется. Новеллы Чехова менее всего поддаются изложению: исчезает весь их аромат. Но академик Бычков дерзнул (о «Верочке»).

Получился шедевр:

«Огнев во все время своей командировки и дневал и ночевал в усадьбе Кузнецова, нередко беседовал и совершал прогулки с Верой Гавриловной, не оказывая ей особенного внимания, а между тем чувство любви к нему не только заронилось в грудь (!!) девушки, но и постепенно разрасталось, хотя оно с ее стороны не было ничем обнаруживаемо (!). Наконец, наступило время Огневу расстаться с гостеприимным кровом и вот, в последние минуты его пребывания в усадьбе, совершенно неожиданно для него разыгралась история (!!)».

Можно ли представить себе большую пошлость, чем эта жвачка?

К менее удачным рассказам Бычков причисляет между прочим, «Ведьму».

В изложении этой новеллы он превзошел самого себя, уложив на-смерть со-

держание ее во фразе длинной с Сибирскую железную дорогу.

Судите сами:

«В этом рассказе, — поясняет Бычков, — изображена неприглядная жизнь молодой дьячихи, которую муж считает за ведьму, чем и объясняет поднявшуюся выгогу и присед на ночлег обившейся с дороги почты, сопровождаемой почтальоном, радушно принятым дьячихой»...

Поняли?

Чрезвычайно характерны для такого критика с нафталиновой душой, как Бычков, его замечания о языке Чехова: в них светится бездонная тупость.

«Язык Чехова, — снисходительно свидетельствует он, — живой и правильный, хотя иногда попадаются неточные и неправильные выражения, как например: «на траве висят тусклые, недобрые слезы»...

Академик Бычков неумолимо логичен. Плакать может только человек. Трава — не человек. Следовательно, трава не может плакать. Откуда же у травы слезы? Неправильно...

Не приемлет Бычков и выражения «когда я под столом пешком ходил». В самом деле! Кто из уважаемых себя лиц ходит под столом? Наконец, разве можно садиться под столом на извозчике или в лодке? Неточно...

Игра случая:

Художник, протест которого против рутинизма трепещет, как один из вечно жизненных нервов его творчества, очутился перед судом заядлого рутинера!

Писатель, пуще всего ненавидевший пошлость, попал под суд пошляка!

Однако, не поощрять начинавшего Чехова нельзя было: ведь за 3 года до Бычкова Григорович, Короленко и пресса единодушно приветствовали появление выдающегося дарования.

Учитывая все это, Бычков завершил свой протокол концовкой во здравие Чехова:

«Принимая во внимание достоинства сборника рассказов г. Чехова под заглавием «В сумерках», я, несмотря на некоторые в них недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающим почетного отзыва и даже (!) поощрительной премии, если этому не будет препятствовать п. «Б» § 9 Правил».

Резолюция комиссии:

«Комиссия, рассматривая из этой рецензии, что рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяют требованиям высшей художественной критики (это — Бычков-то! Ф. М.), представляют, однако же, выдающееся явление в нашей современной беллетристической литературе, позволяющее надеяться, что автор в дальнейшем развитии своего таланта сумеет избежать отмеченных в его труде слабых сторон, нашла возможным присудить ему половинную Пушкинскую премию».

Какое счастье для нашей литературы, что Чехов в дальнейшем не сумел избежать «отмеченных в его труде слабых сторон»!

Ф. МУСКАТЪЛИТ.